

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'23
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27; 16.31.02

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

М. Б. Ворошилова **M. B. Voroshilova**

К. В. Злоказов **K. V. Zlokazov**

А. А. Карапетян **A. A. Karapetyan**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ОТРЫВОК ПРО СКИНХЕДА: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

AN EXTRACT ABOUT A SKINHEAD: EXPERIENCE OF COMPLEX PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXPERTISE

Аннотация. Представлены материалы комплексной психолого-лингвистической экспертизы видеоматериалов, размещенных в социальной сети «ВКонтакте», по делу о преступлении экстремистской направленности.

Abstract. Results of the complex psychological and linguistics expertise of videos, published in social networking site "Vkontakte" on the crime with extremist purpose, are given.

Ключевые слова: экспертиза; экстремизм; экстремистские материалы; деструктивность; креолизованный текст.

Key words: expertise; extremism; extremist materials; destructivity; creolized text.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: shinkari@mail.ru.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

About the author: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology.

Место работы: Уральский юридический институт (Екатеринбург).

Place of employment: the Ural Law Institute (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.
e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

Сведения об авторе: Карапетян Артур Андраникович, соискатель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, оперуполномоченный по особо важным делам, майор полиции.

About the author: Karapetyan Artur Andranikovich, Competitor for a Degree of the Chair of Criminal Law, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs, Police Officer for Specially Important Cases, Police Major.

Место работы: Центр по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области (Екатеринбург).

Place of employment: Center for Extremism Opposition, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Sverdlovsk region (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. М. Жукова, 4а.
e-mail: andranikovich85@mail.ru.

В 2011 г. сотрудниками Центра противодействия экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области был установлен факт размещения в социальной сети «ВКонтакте» на персональной странице пользователя под псевдонимом «гражданин Иванов» (мы используем вымышленное имя, дабы не распространять персональную информацию и не посягать на право защиты личных данных героя, да и сама ситуация и представленный материал настолько типичны, что их персонализация не имеет значения; наша цель —

показать общую логику подобных исследований) видеороликов, содержащих сцены избияния «скинхедами» лиц неславянской внешности, что и было зафиксировано в виде акта документирования электронного ресурса.

В октябре 2011 г. материалы, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий, были зарегистрированы в КУСП ГУ МВД России по Свердловской области. В результате проведенной проверки Первоуральским межрайонным следственным отделом следственного управления Следст-

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

© Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Карапетян А. А., 2013

венного комитета Российской Федерации по Свердловской области возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ: «1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, — наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет» [УК РФ].

В рамках уголовного дела гражданин Иванов был допрошен в качестве подозреваемого. В ходе допроса он пояснил, что обладает специальными познаниями в области компьютерной техники и компьютерного программного обеспечения. В сети Интернет последний зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте.ру», где разместил для всеобщего обозрения и распространения видеоматериалы праворадикального движения «скинхеды». На данных видеозаписях изображаются сцены насилия, избияния и убийств, совершенных «скинхедами» в отношении лиц неславянской внешности, а также демонстрируется фашистская атрибутика. Помимо изложенного, гражданин Иванов пояснил, что видеоматериалы он разместил с целью донести до большого числа пользователей сети Интернет свои идеи, касающиеся проблем пребывания и проживания выходцев с Кавказа и Средней Азии на территории России. Также Иванов отметил, что он сознательно распространял видеоматериалы экстремистского характера.

В рамках уголовного дела были допрошены близкие и друзья Иванова. В ходе проведения следственных действий они пояснили, что во время дружеских встреч Иванов неоднократно высказывал свое негативное мнение по отношению к лицам неславянской внешности, постоянно говорил о том, что нерусские заполнили рынки и рабочие места, а также придерживался позиции и мнения, что Россия должна существовать для русских, все остальные национальности должны покинуть территорию России.

В ходе расследования уголовного дела системный блок персонального компьютера, принадлежащий гражданину Иванову, с которого происходило распространение вышеупомянутых файлов, был изъят. Проведенная компьютерно-техническая экспертиза факт распространения файлов в сети Интернет подтвердила.

С целью установления характера информации и выявления признаков, направленных на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, унижение национального достоинства, в содержании распространяемых гражданином Ивановым материалов, экспертами Уральского государственного педагогического университета в области филологии и социальной психологии была проведена психолого-лингвистическая экспертиза.

Выбор именно комплексной экспертизы был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, именно комплексные исследования позволяют избежать одностороннего и необъективного изучения свойств представленных материалов. Во-вторых, проведение комплексного исследования позволяет расширить предмет экспертизы. Так, например, используя традиционный инструментарий, лингвист, как правило, может ответить только на вопрос, «о чем анализируемый текст», но не о том, как данный текст воспринимается адресатом и в какой степени воздействует на его сознание: эти вопросы относятся к компетенции психолога. Кроме того, перлокутивный эффект нередко достигается за счет манипулятивных приемов социально-психологического воздействия, также «ускользающих» от лингвиста в силу специфики его профессии. В практике современной экспертизы текстов существуют подходы, позволяющие оценить наличие признаков экстремистского призыва — например, формирование ксенофобической установки [Ратин и др.: 63—83].

В рамках наших исследований разрабатывается практика оценки воздействующего потенциала текста путем контент-анализа видеофрагментов, сопровождаемого психологической диагностикой процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализом его психофизиологического состояния в процессе просмотра видеофрагментов [Ворошилова Злоказов 2011].

Итак, на разрешение экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Содержится ли в представленных материалах информация, содержание которой направлено на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей? Если

содержится, то какими языковыми или визуальными формами они выражены?

2. Имеются ли в представленных материалах данные о возможной принадлежности лиц к определенным организациям, сообществам? Если имеются, то к каким?

3. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц эмоциональные переживания ненависти и вражды? Если содержатся, то по отношению к кому возбуждаются эмоциональные переживания ненависти?

4. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных психологическую готовность к унижению человеческого достоинства?

5. Содержатся ли в представленных материалах элементы, возбуждающие при их просмотре у неустановленных лиц психологическую установку поведения на осуществление насильственных действий в отношении другого человека?

6. Содержатся ли в представленных материалах элементы, унижающие достоинство человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения?

7. Содержатся ли в представленных материалах элементы, оказывающие при их просмотре психологическое воздействие на неустановленных лиц? Какого характера это воздействие?

8. Содержатся ли в представленных материалах элементы, вызывающие при их просмотре изменения в ценностно-смысловой сфере у неустановленных лиц?

9. Содержатся ли в представленных материалах элементы, вызывающие при их просмотре изменения в поведении у неустановленных лиц? Если изменения возникают, то в чем они выражаются, проявляются?

Материалы, представленные для экспертизы.

Для экспертизы были представлены 12 видеофайлов.

На начальном этапе экспертизы были восстановлены первоначальные имена видеофайлов, так как имя (название, заголовок) является неотъемлемой частью текста и выполняет важную прагматическую функцию — создает базу для восприятия и интерпретации текста.

Отметим, что в ходе проведения экспертизы мы использовали термин «текст» для обозначения семиотически осложненной формы поликодового текста, сочетающего как языковые единицы, так и единицы иных знаковых систем, в том числе визуальных.

Таблица 1

Название видеофайла	Название текста
Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!	Банда Москвы — Виват, Россия!
Bogatyrskaya.240	Богатырская
Boris' za Rossiyu!	Борис за Россию!
f59f97e60937-136686974.vk	СВР
HARDLINE sXe Ns !!!	HARDLINE sXe Ns !!!
otryvok pro skinhedov...est' nad chem zadumat'sya	Отрывок при скинхедов ... есть над чем задуматься
Ross Kemp_ Bandy (Moskva)	Росс Кемп: Банды (Москва)
Slava Rusi. Ot serdca k solncu!	Слава Руси! От сердца к солнцу!
Social'naya reklama 2010.240	Социальная реклама 2010
Sprotivlenie.KeNIG.240	Сопrotивление. КЕНИГ
SS-Slovyanskij Soyuz (1)	СС — Славянский союз
Zames.240	Замес

Лингвистическая часть экспертного заключения

Для решения вопросов лингвистической части экспертизы исследование проводилось методами контент-анализа, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа ключевых слов, а также логико-грамматического и лингвистического анализа текста в контексте видеосюжета.

Кроме того, учитывались положения Рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденные заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым.

Экспертом был представлен комплексный анализ каждого видеофрагмента.

В видеофайле «Банда Москвы — Виват, Россия!» основным лозунгом звучит призыв «За Родину, за Родину борись!». Он поддержан личным обращением «Ты уличный солдат», что несомненно усиливает его воздействующий потенциал. Также авторы используют манипулятивный прием обращения к историческому, героическому прошлому (образ военных), что служит неким оправданием, а значит, и косвенным призывом.

Образ врага, с которым призывают бороться, создается не только на вербальном (звуковом сопровождении), но и на визуальном уровне, что также является ярким примером манипуляции. Врагами в тексте названы «хачики», «негры», «евреи», «кавказцы». Таким образом, критерием определения врага является национальный, расовый или религиозный принцип.

Образ врага формируется через возбуждение социальной, расовой, национальной

или религиозной розни. «Хачики», «негры», «евреи», «кавказцы» представлены как носители одного из социальных зол, как агрессоры, от которых необходимо защищаться. Изображение человека с темной кожей, держащего в руках поднятый нож, сопровождается текстом: «Русский! Покажи негру, кто в России хозяин!»

Данный манипулятивный прием поддержан частотным обращением к образу женщин и детей, защищать которых — долг каждого мужчины. Фраза «Ну что? так и будешь сидеть на диване, пока хачики пристают ко мне на улице» сопровождается изображением красивой молодой девушки (данный текст используется и в видеофрагменте «Борись за Россию!»).

В одном из следующих видеофрагментах еврейская звезда (звезда Давида), исламский полумесяц следуют за бутылкой, которая разбивается кулаком. Данное изображение сопровождается следующим текстом: «Сначала спиртное — а потом все остальное», — таким образом, мировые религии ставятся в один ряд с таким общепризнанным социальным пороком, как алкоголизм.

Также подчеркнем, что образ врага создается в том числе и за счет противопоставления «белому человеку». Данный прием свойственен экстремистским текстам, направленным на пропаганду исключительности, превосходства человека по признаку его расовой, национальной принадлежности.

Второй признак экстремизма, отмеченный в данном файле, — пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. В тексте неоднократно демонстрируется свастика, кельтский крест, арийский кулак и др.

Манипулятивный прием обращения к историческому, героическому прошлому является основным в видеофайле «Богатырская» и также служит косвенным призывом к борьбе (сопровождается постоянными призывами «За Россию!»). Авторы обращаются к следующим образам:

- русских богатырей. Ключевым является образ Евпатия Коловрата — воеводы и славянского богатыря, героя рязанского народного сказания XIII в. (времен нашествия Батыя). В анализируемом контексте данное прецедентное имя отсылает и к названию современной музыкальной группы, известной своими националистскими текстами;

- богов восточных славян — Сварога и Перуна. Обращение к данным именам направлено на провозглашение превосходства славянской расы;

- военных героев разных эпох. Обращение к этим фигурам выполняет функцию косвенного призыва, они служат неким примером.

Аналогичные призывы к борьбе за Россию звучат в роликах «Борись за Россию!», «Слава Руси! От сердца к солнцу!». В качестве врагов вновь обозначены как социальные пороки общества (алкоголь и др.: «Алкоголь убивает Русскую Нацию! Не пей!»), так и «нерусские» («Ты защитишь ее от черных!»).

Частотное использование приема противопоставления «русских нерусским» в анализируемом видеотексте акцентирует национальную подоплеку «войны», к которой призывают авторы. Написание слова «русский» с прописной буквы может быть истолковано в анализируемом дискурсе как способ превозношения русской нации.

Национальная и религиозная рознь наиболее ярко и открыто выражена в ролике «Слава Руси! От сердца к солнцу!». Авторы используют классические приемы разжигания вражды: косвенные угрозы («Мечетей здесь не будет!»), приписывание враждебных действий и опасных намерений («Не будет порядка на русской земле, пока жида сидят в кремле!») и др.

Основным приемом манипуляции в данных видеофрагментах, наравне с описанными выше (использование образов женщин и детей, приема противопоставления, призывов «к защите» и др.), является обращение к рекламным и плакатным формам. Видео ряд роликов представляет собой монтаж отдельных текстов, построенных по принципам социальной рекламы или военного плаката. Большинство текстов содержат или вопрос, или призыв, что направлено как на привлечение внимания, так и на активизацию реципиента.

Ролики «СВР», «HARDLINE sXe Ns !!!» построены по классическим канонам текстов экстремистского дискурса. Характерными являются следующие черты:

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (свастик, кельтского креста, арийского кулака, традиционного приветствия и др.);

- прямые призывы и лозунги («Бери оружие — стреляй оккупантов»; «Мы сохраним белую расу»; «Мы идем. Бегите мрази»; «Держи кровь чистой»);

- демонстрация физической и военной силы (многочисленные образы физически сильных молодых людей с оружием в руках).

Основной манипулятивный прием данных роликов также традиционен для анализируемого дискурса: главным «врагом» обозначаются такие социальные пороки, как алкоголь, наркотики, но в этом же ряду оказываются и национальные и религиозные про-

тивники, что позволяет завуалировать национальную и религиозную рознь, придать борьбе ореол «честности».

Данный прием также положен в основу видеофрагмента «Соппротивление. КЕНИГ», представляющего собой манифест соответствующей организации. Агитация за здоровую нацию сопровождается, с одной стороны, демонстрацией нацистской символики, с другой — постоянным акцентированием национального превосходства: «...наше движение отстаивает приоритеты русского народа...»

Видеоролик «Социальная реклама 2010» построен на одной из самых действенных манипулятивных технологий — запугивания и оправдания. Данный прием описывался нами и ранее. Первая часть ролика представляет собой обращение «террористов к россиянам», содержащее прямые угрозы к уничтожению, вторая часть демонстрирует силу молодых и желание вступить в войну («освободительную»). Этот прием является ярким примером косвенного призыва, действенность которого давно доказано и лингвистами, и психологами. Однако справедливости ради мы должны отметить, что в указанном видеофрагменте нет прямо выраженной национальной или религиозной подоплеки.

Следующий видеофрагмент, «СС — Славянский союз», представляет собой яркую пропаганду Славянского союза и его идей. В основе ролика — параллель между СС и Славянским союзом, что заложено уже в самом названии и выражается на всех уровнях текста. Это, бесспорно, является одним из признаков экстремизма, а именно пропагандой и публичным демонстрационным нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Отметим также, что при создании образа врага авторы большинства анализируемых видеофрагментов нередко используют инвективную лексику и фразеологию. В анализируемых текстах употребляются и экспрессивные онимы (*хачи, жиды* и др.), как правило, не входящие в литературный русский язык и имеющие жаргонное происхождение, а значит, обладающие яркой эмоциональной оценкой, причем исключительно отрицательной (*черный* и др.), и прямые инвективы, отмеченные в словарях как единицы просторечной, бранной лексики, выражающие презрительное или пренебрежительное отношение (*мразь* и др.).

Используемая инвективная лексика (т. е. слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценоч-

ном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме) в данном тексте, помимо своей основной функции — оскорбить, унижить, опорочить адресата речи, — также выполняет функцию идентификации «своих» и «чужих» и выражения неприятия «чужих».

В заключение отметим, что содержание представленных видеофайлов (видеоматериалов) направленно на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельных лиц как ее представителей.

С этой целью в материалах активно используются манипулятивные приемы (дискредитация врага, свехобобщение), многочисленные образы, обладающие ярко выраженным агрессивным-прагматическим потенциалом (как на языковом, так и на визуальном уровне), инвективная лексика и фразеология, а также побудительные конструкции, в том числе прямые и косвенные призывы.

Помимо этого, в представленных материалах неоднократно используются элементы, унижающие достоинство человека либо групп лиц по признакам расы, национальности, происхождения, в частности инвективная лексика и фразеология.

В подавляющем большинстве видеофайлов были отмечены и признаки принадлежности изображенных лиц к различным организациям, поддерживающим экстремистские взгляды, в том числе к известному межрегиональному объединению скинхедов «Формат 18». Вдобавок к этому активно используется нацистская символика, являющаяся одним из основных признаков принадлежности к подобным группам.

Психологическая часть экспертного заключения

Для решения поставленных вопросов психологическая экспертиза проводилась путем контент-анализа видеофрагментов, психологической диагностики процессов, состояний и свойств психики субъекта в связи с просмотром видеофрагментов.

С целью объективного изучения влияния видеофрагментов была сформирована выборочная совокупность из 47 человек, включающая 41 мужчину в возрасте от 18 до 20 лет и 6 девушек в возрасте от 18 до 20 лет.

В процессе экспертизы испытуемым были показаны видеофрагменты, находящиеся на диске. Просмотр видеофрагментов осуществлялся на персональном компьютере

с помощью стандартного приложения для просмотра видеофрагментов в операционной системе «Windows» — «Windows media player». После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый заполнял анкету, составленную по типу стандартизованного самоотчета. Полученные в ходе анкетирования данные вводились в таблицу Excel для дальнейшей математико-статистической обработки. Обработка результатов проводилась с помощью пакета математико-статистических программ «Statistica for Windows 6.0».

Таким образом, в ходе обследования группы испытуемых были получены данные объективных самоотчетов после просмотра видеофрагментов, что позволило определить особенности влияния представленных для экспертизы видеофрагментов на психические процессы и состояния испытуемых.

Экспертиза проводилась в соответствии с методиками производства психодиагностических исследований процессов, состояний и свойств психики, принятых в психологической диагностике. Кроме того, учитывались положения Рекомендаций об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденных заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым.

По результатам проведенного нами контент-анализа отметим, что в ряде видеофрагментов («Banda Moskvу — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240») испытуемые наблюдают видеоряд, содержащий набор изображений, различные текстовые фрагменты и сопровождающийся музыкальным оформлением. Совокупность перечисленных элементов в видеофрагменте воспринимается при просмотре как целостное и непротиворечивое, содержащее в себе определенный смысл, единство. Трансляция смысла осуществляется за счет специально подобранного видеоряда, уточняемого текстовыми пояснениями. Отрывки музыкальных произведений формируют определенное эмоциональное состояние лица, просматривающего видеофрагменты.

В ряде зарубежных экспериментов [Anderson, Craig A: 81—110] утверждается что просмотр видеофрагментов с демонстрацией насилия способствует росту агрессивно-насильственных реакций у просматривающих субъектов.

Изучение проблем формирования агрессивного и насильственного поведения опирается на теоретические положения бихе-

виористического направления в психологии [Бэрн, Ричардсон: 48—49], в частности на исследования А. Бандуры, Д. Долларда, Б. Скинера, показывающих, что вероятность повторения агрессивных действий людьми тем выше, чем шире диапазон способов усвоения этих действий, факторов, провоцирующих появление насильственных действий и условий, при которых агрессивные реакции закрепляются. Важным аспектом усвоения агрессивных реакций выступают факторы, регулирующие агрессивное поведение (сохраняющие, усиливающие, контролирующие его). В качестве механизмов контроля могут выступать формы поощрения (общественное одобрение или порицание, наблюдение за ситуациями, в которых поощряют агрессивных лиц, вознаграждают их либо наказывают).

Контент-анализ, проведенный нами, показывает, что в видеофрагментах, представленных на экспертизу, демонстрация насильственных действий не заканчивается их порицанием, соответственно не выражены механизмы контроля за агрессивными реакциями, что способствует формированию агрессивных форм поведения путем vicarious learning у лиц, просматривающих их.

Осуществленный нами ранее эксперимент показал, что с психофизиологической точки зрения просмотр подобных видеофрагментов сопровождается вегетососудистыми реакциями и изменениями в ЭЭГ активности мозга, характерными для стресса [Злоказов 2011: 210—216]. Зритель в процессе просмотра переживает эмоции страха, которые оказывают влияние на восприятие информации.

В современной психологической практике обобщены значительные эмпирические данные, свидетельствующие о том, что всплески насилия детей, подростков и молодежи связаны с качеством, частотой и степенью детализации представления агрессивно-насильственных реакций. Эта точка зрения эмпирически подтверждена значительным количеством исследований, в частности, в работе [James: 705—711] приводятся результаты 636 научных публикаций за период с 1975 по 2000 г.

В представленных видеофрагментах (f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!») показаны формы насильственных действий как одного субъекта (единичные: удары ногой, рукой, комплексные: использование поручней в метро для опоры и ударов ногами), так и действия группы нападающих (в том числе и согласованные). В видеофрагменте «format_Прямое действие2» проводится детализация действий субъекта в ситуации группового нападения. Наглядно

показано, что смысл происходящего интерпретируется просматривающими однозначно как убийство.

Особо отметим, что агрессивно-насильственные действия осуществляются малой группой без выраженных идентификационных признаков — лица нападающих скрыты от наблюдаемого, что облегчает процесс идентификации лица просматривающего видеофрагменты с агрессорами, осуществляющими насильственные действия при обозначенном (с заранее определенными половыми, социальными и прочими признаками) объекте агрессивных действий. З. Фрейд указывал, что идентификация — механизм психологической защиты, обеспечивающий снижение тревоги (страха) за счет воплощения себя в качестве агрессора [Фрейд: 91—148]. Таким образом, одной из форм подкрепления агрессивного поведения является отождествление с лицами, осуществляющими насильственные действия, получившее название «Стокгольмский синдром» [James: 705—711].

Психологический анализ особенностей восприятия видеофрагментов

С целью уточнения особенностей восприятия видеофрагментов было организовано эмпирическое исследование, в ходе которого группе испытуемых (47 человек в возрасте от 18 до 20 лет) был представлен ряд видеофрагментов. Одним из условий успешной идентификации зрителей с действующими лицами видеофрагментов выступает общность половых, возрастных, социальных признаков зрителей и фигурирующих в видеофрагменте лиц. Поэтому возраст, пол и социальный статус выборки подбирались с учетом представленного в видеофрагментах, что, помимо облегчения процесса идентификации, создавало предпосылки для дополнительной активизации восприятия испытуемых.

Процесс исследования заключался в следующем. После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый отвечал на вопросы анкеты (см. табл. 2.), состоящей из открытых и закрытых вопросов, направленных на оценку эмоционального состояния в связи с просмотром видеофрагмента, краткой интерпретацией увиденного («Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите»), субъективной интерпретацией смысла видеофрагмента испытуемым («Какие идеи, по вашему мнению содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите»), присвоением (ассимиляцией) опыта, представленного в видеофрагменте («После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного?»), соци-

альной оценкой испытуемым видеофрагмента («Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?»).

Таблица 2

Структура анкеты-самоотчета для оценки видеофрагмента

Пункты самоотчета	Индикатор
Оцените свое настроение до просмотра видеофрагмента и после просмотра (в связи с ним)	Анализ эмоционального состояния
Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите	Восприятие видеофрагмента
Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента? Кратко опишите	Представление о смысле видеофрагмента
Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите	Субъективная интерпретация видеофрагмента
Просмотрев видеофрагмент, выразите ваше мнение по поводу его основных идей.	Субъективная интерпретация видеофрагмента
После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного в дальнейшем (идеи, мысли, действия, способы, приемы)?	Ассимиляция опыта
Если бы вы могли повлиять на ход событий в видеофрагменте, что бы вы выбрали?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Дайте оценку происходящему на видеофрагменте	Субъективная оценка видеофрагмента
Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?	Субъективная оценка видеофрагмента
Полезным ли был просмотренный видеофрагмент для вас? Кратко опишите	Субъективная оценка видеофрагмента

Для оценки ответов испытуемых был проведен их контент-анализ, в результате которого были сформированы критерии оценки, представленные в виде модифицированной шкалы Лайкерта [Бурлачук, Морозов: 127]. Данная шкала использовалась при математической обработке заполненных испытуемыми анкет.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что видеофрагменты изменяют эмоциональное состояние испытуемых в процессе просмотра, во многом вследствие содержания (изображения актов насилия, агрессии, музыкального сопровождения) и особенностей его предъявления испытуемому (фокуса, расстояния до объекта в процессе съемки, экспозиции и пр.).

Например, видеофрагмент «Zames.240» отличается большей вариацией субъективных представлений (ср. знач. 4,1 при $\sigma = 2,4$)

испытуемых, что свидетельствует о неоднозначности формируемого в процессе просмотра когнитивного (испытуемые объясняют видеотрейлер как тренировку, занятие спортом либо массовую драку).

Оценка содержания видеотрейлеров («Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240») испытуемыми проводится преимущественно с опорой на текстовые комментарии к видеотрейлерам («За возрождение Руси»; «против чурок»; «умереть за Русь»; «Драка»; ср. знач. 6,8; 6,7; 5,9 при $\sigma = 0,7; 0,6; 1,3$), с использованием указаний на целевую аудиторию и субъектов агрессии («националисты снимали»; «скинхеды, пропаганда скингов») и лиц, выступающих целями агрессивных действий («нерусские»; «черные»; «нохча»).

Отметим и то, что восприятие и субъективная интерпретация испытуемыми содержания видеотрейлеров определяется социальной актуальностью темы. Так, в видеотрейлере «Ross Kemp_Bandy (Moskva)» интерпретируемые испытуемыми как высказывания о недопустимости противоправных действий скинхедов, необходимости действий в соответствии с законом понимаются испытуемыми достаточно точно (ср. знач. 4,6—4,2 при $\sigma = 1,8—1,9$). Можно заключить, что использование тем, имеющих общественную значимость, повышает точность интерпретации содержания видеотрейлера испытуемым и способствует ассимиляции опыта, что проявляется в изменении субъективного отношения к видеотрейлеру от негативно-равнодушного до принятия его идей (характерно для видеотрейлеров «Bogatyrskaya.240», «Sopro tivlenie. KeNIG.240»).

Оценка представлений субъекта и стратегий поведения в ситуации, аналогичной показанной, у испытуемых осуществлялась следующим образом. Испытуемый оценивал характер собственных действий в случае позитивного принятия (*активное участие, действие наравне со всеми, пассивное присутствие*); в случае отрицания (*остановиться, отойти в сторону, убежать*). Наравне с этим оценивались действия испытуемого в аспекте его социальной роли (как члена общества) — в виде стратегии защиты (*не вмешиваться, звать на помощь, защищать*) и стратегии коммуникации (*опровергать, не разговаривать, соглашаться*).

При субъективной оценке видеотрейлеров «Bogatyrskaya.240», «Soprotivlenie. KeNIG.240» избирается стратегия активного действия — соучастия (ср. знач. 3,00 при $\sigma =$

$= 0,01$), базовая стратегия отрицания рассматривается как «Остановиться» (ср. знач. 1,00 при $\sigma = 0,01$), с позиций социальной роли избирается стратегия «Не вмешиваться» (ср. знач. 1,8 при $\sigma = 0,45$).

Рассматривая собственные действия в ситуации, которая может произойти в жизни, испытуемые избирают стратегию бегства (ср. знач. 3,00 при $\sigma = 0,01$). С позиции социальной роли преимущественной стратегией является «Не вмешиваться» (ср. знач. 1,83 при $\sigma = 0,41$), на коммуникативном уровне стратегия «Соглашаться» (ср. знач. 3,00 при $\sigma = 0,01$).

Анализируя характер оценок, данных испытуемыми видеотрейлерам, отметим, что повышенным значением оценки (на уровне частичного принятия содержания, частичного разделения идей) характеризуются фрагменты «Banda Moskvy — Vivat, Rossiya!», «Bogatyrskaya.240», «Boris' za Rossiyu!», «f59f97e60937-136686974.vk», «HARDLINE sXe Ns !!!», «Slava Rusi. Ot serdca k solncu!», «Social'naya reklama 2010.240» (ср. знач. 2,63 при $\sigma = 1,39$). Это свидетельствует о процессе дифференциации содержания видео в связи с индивидуальными особенностями культуры, ценностными, мотивационно-смысловыми характеристиками респондентов. Степень принятия (ассимиляции) смысловых единиц достаточно высока (ср. знач. 2,75 при $\sigma = 0,45$), что, впрочем, может быть обусловлено жанровой составляющей [Злоказов 2011: 210—216]. Испытуемые с высокой степенью согласованности ответов производят оценку представленных им материалов, что свидетельствует о точности и непротиворечивости восприятия смысловых единиц экстремистского текста и их интерпретации.

Субъективная оценка испытуемыми полезности просмотренных видеотрейлеров показывает ассимиляцию информации на уровне частичного принятия (одобрения) видеотрейлеров, в том числе содержащих элементы насилия («Social'naya reklama 2010.240»; ср. знач. 2,75 при $\sigma = 1,06$). Одобрение увиденного, инструментализация опыта испытуемыми вызывает настороженность, поскольку содержательно видеоряд направлен на формирование ксенофобской установки у лиц, просматривающего его.

Чем вызвана подобная реакция зрителя? Разберемся подробнее. В видео «Social'naya reklama 2010.240» последовательно смонтированы два видеоряда, различные по своему образному, темпо-ритмовому и смысловому содержанию. На первом изображены кадры с мест совершения террористических актов, сопровождаемые пояснением диктора

о противоборстве между «войной за веру против войны за бензин в бензобаке». Испытуемые интерпретируют эту часть видео как «несущую угрозу», «угрожающую», «объявляющую войну» (ср. знач. 2,81 при $\sigma = 0,51$). Воюющими выступают с одной стороны «Запад», «США», «Богачи», с другой — «мусульмане», «шахиды», «муслимы», «Иран». Вторая часть видео «Social'naya reklama 2010.240» представляет собой «традиционный» образец экстремистко-пропагандистского текста: видеоряд содержит кадры стрельбы из огнестрельного оружия, нанесения ударов по боксерскому мешку, образы молодых людей в спортивной одежде, в сознании зрителя фиксируются надписи на футболках «White boy». Для музыкального сопровождения используется рок-композиция с различным текстом: «Хочешь ты этого или не хочешь, война, война». С 2 мин. 50 сек. ролика в кадр выводятся надписи «Когда настанет час» (2 секунды), «Ты должен быть готов» (2 секунды), «У тебя осталось мало времени» (4 секунды). Смысл данной части испытуемыми описывается как призывы к «обороне», «подготовке», «тренировке» (ср. знач. 2,74 при $\sigma = 0,66$). Как уже отмечалось, ассимилирующий эффект подобного видеофрагмента достаточно значителен. В самоотчетах испытуемых ответ на вопрос «Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?» в 100 % случаев дается от имени потенциальных «жертв террористической угрозы», не фиксируется ни одного от имени «шахидов», что указывает на то, с какой стороной ассоциирует себя зритель. Усредненный ответ на вопрос — в подавляющем большинстве «да» (ср. знач. 2,63 при $\sigma = 1,39$), и, как уже отмечалось ранее, полезным видеоролик «Social'naya reklama 2010.240» признает большинство опрошенных. В целом данный материал представляет собой образец белой пропаганды (Г. Лассуэл) [Кара-Мурза 2000: 250], в котором используется манипулятивный прием формирования установки «врага», но не происходит его обозначение, а доводится до реципиента идея о необходимости «сопротивления» вероятному насилию. При этом зрители из числа опрошенных нами в самоотчетах достаточно согласованно формулируют смысл видеофрагмента в выражениях «оборона против нерусских», «война с мусульманами», «быть готовым к войне». Размытый образ врага и призыв к противодействию — классический манипулятивный прием, реализуемый в канве политической пропаганды Г. Лассуэла [Schramm 1971: 84—99].

Отметим и тот факт, что развитие идеи о сопротивлении «угрозе» в данном видео-

фрагменте не сопровождается ее «брендингом». Это достаточно часто встречается в экстремистском видео. Введение же «бренда» (символа) позволяет пользователю легко находить в дальнейшем в пространстве интернет-ресурсов видеофрагменты данного автора либо группы.

Также в отчетах испытуемых фигурируют ценности, не являющиеся значимыми в экстремистском дискурсе, но сопровождающие его — «спорт», «борьба», «здоровье», «дружба». Эти ценности — продукт субъективной интерпретации видео испытуемыми, результат сопутствующего эффекта данного видео, возникающего в сознании просматривающих запись лиц. Актуальность описываемых символов-ценностей может превышать экстремистский призыв и выступать самостоятельной причиной для просмотра и последующей трансляции (например, в социальной сети). Особое внимание в связи с этим следует уделить мотивам просмотра и сохранения на социальных экстремистских видео. Как представляется нам, мотивы подобных действий могут быть не только идеологическими, но и, например, пассионарными, корыстными, а также деструктивными, т. е. связанными с возведением агрессии и насилия в ранг ценности. Более того, криминологическая характеристика преступлений, совершенных экстремистскими группировками, показывает их отягощенность насильственными действиями в отношении потерпевших, в том числе совершаемых с особой жестокостью. Нередко экстремистские действия маскируют собой корысть, что характерно, в частности, для экстремистских группировок, действующих на территории Юга России (например, собираемый ими на борьбу с неверными «закят» (пожертвование)). В отличие от ритуализированных религиозных экстремистских практик, имеющих свое обоснование в религиозном тексте, националистический экстремизм нуждается в постоянном подкреплении, и не последнюю роль в этом играет форма его трансляции. Креолизованные экстремистский текст обладает достаточной результативностью, поскольку содержит в себе не только идею или образцы поведения, но имеет обучающее, подкрепляющее и регулирующее воздействие. Другими словами, экстремистское видео транслирует деструктивность как ценность, обогащая зрителя опытом насилия, сведениями об инструментах его совершения, подкрепляя и развивая уже имеющийся деструктивный потенциал личности. Этим и обусловлена частная гипотеза наших исследований — предположение о связи между особенностями восприятия экстремистского

текста и деструктивностью личности зрителя. Интерес к этому процессу вызван специфичностью экстремистского текста как жанра, демонстрирующего подлинное насилие. Подлинность для зрителя заключается не только в применении для съемок камер сотовых телефонов, чем обеспечивается субъективно переживаемая «близость» к агрессии одних и боли других, но и в целенаправленности: мотив, цель и результат агрессии отделены друг от друга несколькими десятками секунд записи. В дальнейших исследованиях обсуждаемая гипотеза найдет свое эмпирическое разрешение.

Отметим и то, что просмотр видеофрагментов экстремистского жанра сопровождается активным восприятием и интерпретацией испытуемыми их содержания. Экстремистское видео с точки зрения воздействия на лиц, просматривающих его, характеризуется ростом негативных (астенических) эмоциональных переживаний, частичным принятием демонстрируемых в видеофрагментах моделей поведения.

Интерпретируемый испытуемыми смысл видеофрагментов, построенных по модели ксенофобской установки, не отрицается, а оценивается как положительный и полезный (применимый) в жизни.

В ходе проведенного комплекса следственно-оперативных мероприятий установлено, что, придерживаясь националистической идеологии и обладая специальными познаниями в области компьютерной техники и компьютерного программного обеспечения, гражданин Иванов осознавал, что совершает публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признакам расы, национальности и происхождения, так как размещенные им в сети Интернет видеофайлы экстремистского содержания стали доступны для ознакомления и копирования другими пользователями сети Интернет.

Уже в 2012 г. Иванов был привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. В ходе следственных действий Иванов отказался от рассмотрения уголовного дела в особом порядке, свою вину не признал.

В марте 2012 г. судьей Н-кого районного суда гражданин Иванов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 282 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 180 часов исправительных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цена слова*: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. — М., 2001.
2. *Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А.* Как слово наше отзовется? // Российская юстиция. 1998. № 4—7.
3. *Рекомендации* об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.1999).
4. *Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб. : Питер, 1997.
5. *Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М.* Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб. : Питер, 2001.
6. *Ворошилова М. Б., Злоказов К. В.* Комплексное психолого-лингвистическое исследование креолизованного текста: методы психологического исследования // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. — Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. С. 83—89.
7. *Злоказов К. В.* Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 210—216.
8. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. — М., 2000.
9. *Ратинов А. Р., Коньшьева Л. П., Кроз М. В., Ратинова Н. А.* Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений // Юридическая психология : сб. науч. тр. / под ред. Г. Х. Ефремовой, О. Д. Ситковской. — М., 2005. Вып. 3. Ч. 1. С. 63—83.
10. *Уголовный кодекс* Российской Федерации = УК РФ. Ст. 282. URL: <http://www.uk.ru/code/10/282/>.
11. *Фрейд З.* Автобиография // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. — М., 1992. С. 91—148.
12. *Anderson C. A., Berkowitz L., Donnerstein E., Huesmann L. R., Johnson J. D., Linz D., Malamuth N. M., Wartella E.* The influence of media violence on youth // [Peer Reviewed Journal]. Psychological Science in the Public Interest. 2003. Vol 4 (3), Dec. 2003. P. 81—110.
13. *Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome Author(s)* / James T. Turner Source // Political Psychology. 1985. Vol. 6, No. 4 (Dec.). P. 705—711.
14. *Schramm W. ve R. D. F.* The Process and Effects of Mass Communication. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1971.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов